

УДК 94(44)“1917/1919”

DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-2-281-302

ВЛИЯНИЕ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА ПЕРВОМАРТОВСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В КОРЕЕ (1917–1919 ГГ.)

В.В. Лебедев

Университет Корея

Сеул, Республика Корея, kutuzkin21@hanmail.net

В данной статье рассматривается вопрос о том, как влияние Октябрьской революции 1917 г. проникало в Корею и в какой степени Октябрьская революция повлияла на результаты Первомартского движения 1919 г., которое в свою очередь стало поворотным моментом во всей истории мирового политического антиколониального движения в Азии. В статье анализируются архивные документы Дипломатического архива Министерства иностранных дел Японии, а также статьи официального рупора генерал-губернаторства Кореи и единственной на тот момент корейязычной газеты «Мэиль Синбо» за период с 1917 по 1919 г.

Ключевые слова: Октябрьская революция, анти-колониализм, Корея, Первомартское движение, Советская Россия, социализм

Введение. Первомартское движение в Корее 1917–1919 гг. рассматривается исследователями как ключевое событие в истории страны. Оно привело к возрождению антиколониального национально-освободительного движения в Корее, которое не только стало первой общенациональной антияпонской демонстрацией за 10 лет колониального господства Японии в Корее, но и придало новую силу антияпонской борьбе. В движении принимали участие различные слои общества как в самой Корее, так и за ее пределами, а его трагический исход отчетливо проявил необходимость

Introduction. Most researchers see the March First Movement in Korea as the pivotal event in the history of the nation. It led to the rebirth of the anti-colonial national liberation movement in Korea. It was not only the first nation-wide anti-Japanese demonstration since Korea was colonised by Japan, but it also gave new impetus to the anti-Japanese struggle. Various social groups of Koreans both inside and outside their country took part in the movement. Its tragic conclusion made thousands of Korean activists turn to socialist ideas for preservation of the spirit and ideas of the national liberation movement.

поиска новых путей для достижения независимости Кореи.

В настоящее время события, связанные с Первомартовским движением, отмечаются как в Северной (КНДР), так и в Южной Корее, причем в Республике Корея первое марта является национальным праздником. Однако воспринимаются эти события по-разному. В КНДР это движение официально называется “Первомартовским народным восстанием” (*самиль инмин понъги*) и оценивается как хотя и исторически значимая, но все же провалившаяся попытка добиться освобождения, которая выявила отсутствие единства среди руководителей-националистов и их оторванность от народных масс. В Южной Корее Первомартовское движение чаще всего интерпретируется как краеугольное событие, приведшее к образованию в Шанхае Временного правительства Кореи, которое официально считается предшественником правительства современной Республики Корея.

В современной западной историографии подъем Первомартовского движения связывают со знаменитыми «четырнадцатью пунктами» речи Президента США Вудро Вильсона, произнесенной им перед американским Конгрессом в 1918 г., а в качестве его итогов называется «рождение современного корейского национализма» [1, с. 12]. Подобные оценки встречаются и в исследованиях южнокорейских и некоторых северокорейских историков, многие из которых (включая даже историков, уже давно перешедших от марксистской к «кимирсеноцентричной»

Nowadays, the March First Movement is commemorated in both North and South Korea (in the latter March 1 is a public holiday), but for different reasons. In North Korea, it is officially called the “March First People’s Uprising” (*Samil inmin ponggi*) and is perceived as a historically significant though failed attempt to achieve liberation that exposed the absence of unity among the nationalist leadership and its disconnection with the masses. In South Korea, the movement is generally interpreted as a cornerstone event for the foundation of the Provisional Government of Korea in Shanghai, which is considered a predecessor of the modern Republic of Korea.

In contemporary Western historiography, the rise of the March First Movement is attributed to the famous “Fourteen Points” proclaimed by US President Woodrow Wilson in his 1918 speech before the United States Congress, and its outcomes are described as the “birth of modern Korean nationalism” [1, p. 12]. The same approach is followed by some South Korean historian, and even contemporary North Korean authors who have long since shifted from Marxist to Kim Il-sung-centred historiography, most of whom either ignore or minimise the influence of the Russian Revolution on the events in Korea.

This by no means implies that attempts to link the October Revolution and the March First Movement have not been made. When describing Wilson’s Fourteen Points, Soviet historiography always emphasised the contrast between “declaring the people’s rights” and “their factual self-determination” [2, p. 37].

историографии) либо игнорируют, либо приуменьшают влияние русской революции 1917 г. на события в Корее.

Однако это вовсе не означает, что попытки связать Русскую революцию (под этим термином мы в данном случае рассматриваем Октябрьскую революцию) с Первомартовским движением ранее не предпринимались. Советская историография, описывая «14 пунктов» В. Вильсона, всегда подчеркивала контраст между «декларированием на словах прав народов» и «их фактическим самоопределением» [2, с. 37]. Подобный подход мы встречаем и в современной российской исторической литературе. В частности, такие исследователи истории Кореи, как С.О. Курбанов [3] и В.М. Тихонов [4], признают влияние Октябрьской революции и коммунистических идей на радикализацию взглядов корейской молодежи. Прямую связь между этими двумя событиями подчеркивает в своей статье «Октябрьская революция 1917 г. в России и ее взаимосвязь с Первомартовским восстанием 1919 года в Корее» Ю.В. Ванин [5].

Цель данной работы – на основе привлечения новых источников (в частности, документов Министерства иностранных дел Японии (*Гаймуссе кироку* (外務省記録; [«Записи Министерства Иностранных Дел»]), включающих в себя секретные доклады сотрудников разведывательных органов Японии и дипломатов, а также материалы официальной и долгое время единственной корейской газеты в колониальной Корее *Мэиль Синбо* (毎日申報 [«Ежедневная газе-

This approach with some modifications was continued in Russian historical literature. Korean history researchers S.O. Kurbanov [3] and V.M. Tikhonov [4] also admitted the influence of the October Revolution and communist ideas on the radicalisation of Korean youth. A direct connection between the October Revolution and the March First Movement in Korea was emphasised by Yu. V. Vanin in his article “October Revolution and its connection with March First Rebellion in Korea” [5].

The main goal of this paper is to examine the channels through which the Russian Revolution exerted its influence on the rise and outcome of the March First Movement by using new documental evidence (mainly the Japanese archival sources published by the Ministry of Foreign Affairs of Japan in *Gaimushō kiroku* (外務省記録 [“Records of the Ministry of Foreign Affairs”]) containing secret reports written by Japanese intelligence officers and diplomats as well as articles from the official newspaper of colonial Korea, *Maeil sinbo* (毎日申報 [“Daily Newspaper”]).

First of all it is imperative to take a look at two main channels through which the news of the revolution was entering Korea.

1. October Revolution as the Context for the March First Movement

When talking about the influence the October Revolution had on March First Movement in 1919 one must realise that the weak Soviet state fighting against various counter-revolutionary

та»]), выявить каналы, посредством которых Русская революция оказывала влияние на возникновение и развитие Первомартовского движения 1917–1919 гг. в Корее.

Прежде всего, необходимо обратить внимание на два основных канала, посредством которых информация о Русской революции поступала в Корею.

1. Октябрьская революция как контекст для Первомартовского движения

Говоря о влиянии Октябрьской революции на Первомартовское движение, нельзя не признать, что молодое Советское государство, боровшееся против контрреволюционных сил, пользовавшихся открытой поддержкой большинства ведущих держав мира, мало могло чем помочь далекой Корее в ее борьбе за независимость от Японской империи. Следует отметить и отсутствие прямых доказательств связи коммунистов с событиями 1 марта 1919 г. в Корее. Члены группы так называемых «33 национальных представителей», подписавшие основной документ Первомартовского движения – «Декларацию независимости», в большинстве своем являлись религиозными лидерами и политиками националистического толка, которые были далеки от идей Маркса и Ленина. Несмотря на это, необходимо признать, что объединенное антиколониальное сопротивление такого масштаба в Корее фактически не представлялось возможным в отсутствие фона крушения старого порядка, причем не в

forces heavily backed by most major powers could do little to directly assist such a distant place as Korea in its struggle for independence against the Japanese Empire. There are few indications of communist involvement in the events that broke out on the Korean peninsula on March 1, 1919. The ‘33 national representatives’ who signed the main document of the movement – the ‘Declaration of Independence’ – were far from the ideas of Marx and Lenin, mostly being religious leaders and nationalist politicians. Having said that, one must also admit that a unified anti-colonial resistance in Korea of such a scale would be unimaginable without the background of an old world order crumbling not in a distant America or the European continent but several hundred kilometres away across the Tumen river.

The wind of change was felt in Korea long before March of 1919. The general Korean public, including students and workers, who became the backbone of the protest, was aware of the developments in Russia both through the official media and through migrant labourers in the Russian Far East.

1.1. The official media reports on the Revolutionary events in Russia

In the first days after the events of October – November 1917, colonial Korea’s media didn’t know how to react to the new revolution in Russia. On 11 November 1917, the first small article about the events in Petrograd appeared on the second page of an official state-run newspaper, *Maeil Sinbo*, titled “The Coup d’état in Russia” (*Roguk-ui*

далекой Америке или Европе, а всего в нескольких сотнях километров к северу от реки Туманган.

Ветер перемен ощущался в Корее задолго до марта 1919 г. Основная масса корейцев, включая студентов и рабочих, ставших основной силой протеста, была в курсе революционных изменений в России через официальные средства массовой информации, а также посредством рабочих-мигрантов с российского Дальнего Востока.

1.1. Официальные СМИ о революционных событиях в России

В самые первые дни после событий октября – ноября 1917 г. СМИ колониальной Кореи не знали, каким образом реагировать на новую революцию в России. Первая небольшая статья о событиях в Петрограде под названием «Переворот в России» (*Рогук-ый чонъбен*) появилась 11 ноября 1917 г. на второй странице официальной правительственной газеты Мэиль Синбо¹. Через пару дней появилась другая статья под заголовком «Кабинет группы Ленина». Эти материалы предоставляли основную информацию о событиях в России и были написаны в нейтральном ключе. Первые сколь-нибудь крупные статьи о революции начали появляться после выпуска газеты *Мэиль-Синбо* от 17 ноября 1917 г., когда на второй странице появились статьи,

chǒngbyǒn)¹. In a couple of days, a new article titled “Lenin group’s Cabinet” appeared. All these articles provided basic information about the events in Russia and were written in a neutral tone. The first large pieces of information about the Revolution began to appear after the 17 November 1917 edition of *Maeil Sinbo*, on the second page of which were published such articles as “Siberia proclaims independence,” “Russian Prime Minister makes a speech,” and a large article named “The responsibility for Russia [should be given] to Japan” arguing that Japan should take Russia’s place in the ongoing First World War.

The tone of colonial publications turned antagonistic towards Soviet Russia after Lenin’s government issued the famous “Declaration of the Rights of the Peoples of Russia” which contained ideas unacceptable to the empires of the world. The article “The Extremist council member’s proclamation” read: “a member of the extremist council had proclaimed that all peoples in Russia have the right to set up their own political entities as well as the right to form an independent state”². This article was followed by another text titled “Small

¹ 露國의政變 [Переворот в России] // 每日申報 [Ежедневная газета]. 11.11.1917 (на корейском яз.).

¹ Roguk-ŭi chongbyǒn [Russian Coup d’etat]. *Maeil sinbo* [Daily Newspaper]. 11.11.1917 (In Korean).

² Kwagyǒkp’a hweŭi wiwǒn sǒnǒn [Declaration of a member of extremist committee]. *Maeil sinbo*. 21.11.1917 (In Korean); Deklaratsiya prav narodov Rossii: 25 oktiabria 1917 – 16 marta 1918 [Declaration of the Rights of the Peoples of Russia: 25 October 1917 – 16 March 1918]. *Dekrety Sovetskoi Vlasti*. 25 October 1917 – 16 March 1918. Moscow: Politizdat, 1957. 1: 39–41 (In Russian).

озаглавленные «Сибирь объявляет независимость», «Речь российского премьер-министра», а также большая статья «Ответственность за Россию Японии», в которой говорилось о том, что Япония должна занять место России в Первой мировой войне.

Враждебным к Советской России тон публикаций в японской колониальной прессе стал после того, как правительство В.И. Ленина выступило с неприемлемыми для империй идеями, опубликовав знаменитую «Декларацию прав народов России». В статье «Воззвание члена совета экстремистов» говорилось: «Член совета экстремистов объявил, что все народы России имеют право создавать собственные политические формирования, а также право на создание собственного государства»¹. За ней последовала еще одна статья под названием «Малороссия [провозглашает] независимость» (*Soro-soa tongnip*).

Несмотря на открытую враждебность к советскому правительству, колониальные СМИ сообщали обо всех важных событиях в революционной России. В декабре 1917 г. им даже пришлось публично опровергать слухи о том, что бывший император Николай II якобы скрывался в Харбине или о том, что Япония пла-

Russia [proclaims] independence” (*Soro-soa tongnip*).

Despite the outspoken hostility towards the Soviet government, the colonial media reported most main events of the revolution. In December 1917, it even had to publicly refute rumours that Nicholas II was hiding in Harbin or that the Japan was planning an attack on Russian territory¹. From the pages of the only official Korean newsletter, Koreans learned about the Decree on Peace, the complete dislodgement of the imperial system, and the growth and strengthening of the Soviet state.

The local population’s interest in the Russian revolution was so great that in order to prevent ‘undesirable’ interpretations of this news, Japanese colonial authorities decided to publish a series of propaganda articles named “My country’s history and the national polity” (*Aguksa-wa kukch’e*) and “An opportunity to revitalise Asia” (*Asea chinhung-ŭi kiun*) on the first page, which was usually reserved for news of national importance. The latter attacked the ‘destructive’ nature of the Russian revolution contrasting it with the “spiritual awakening of the Asian peoples”².

Most anti-Soviet articles on the first pages chose arguments carefully to attack the influence of the Revolution on Korean people’s minds using

¹ 過激派會議委員宣言 [Заявление члена экстремистского комитета] // 毎日申報 [Ежедневная газета]. 21.11.1917 (на корейском яз.); Декларация прав народов России: 25 октября 1917 – 16 марта 1918 // Декреты Советской власти. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М.: Гос. издат-во политической литературы, 1957. Том I., С. 39–41.

¹ Roguk p’yezhe toilbon söl [The rumours about dethroned Russian emperor fleeing to Japan], Ilbon-ŭi Roguk sŭpkyök manmu [Japanese attack on Russia is out of the question]. *Maeil sinbo*. 05.12.1917 (In Korean).

² Asea chinhung-ŭi kiun [The opportunity to revitalise Asia]. *Maeil Sinbo*. 22.01.1918 (In Korean).

нировала вторжение в Россию¹. Со страниц официального новостного органа Кореи жители узнали о Декрете о мире, получали информацию о постепенном росте и укреплении Советского государства.

Интерес к русской революции в Корее был настолько велик, что для того, чтобы предотвратить «нежелательную» интерпретацию поступавших из России новостей, японское колониальное правительство приняло решение опубликовать цикл пропагандистских статей под названием «История моей страны и тело нации (на яп.: *кокутай* – Л.В.)» (*Агуксава кукчхе*) и «Момент для подъема Азии» (*Асеа чинхынъ-ый кун*) на первых страницах изданий, обычно зарезервированных для новостей национального значения. Эти статьи критиковали «деструктивную» природу русской революции, приводя в качестве контраста «духовное пробуждение народов Азии»².

В большинстве антисоветских статей аргументы были подобраны специально, чтобы наносить удары по влиянию революции на умы и настроения корейцев, причем в качестве основного «козыря» японская пропаганда приводила сравнение «экономического процветания» Кореи с «беспробудной нищетой» в России. Так, например, в статье, озаглавленной «Эмигранты на территории Рос-

the main card the Japanese thought they had – economic prosperity. For example, the article named “The immigrants in Russian territory” (*Roryōng-e izhuzha*) spoke of the poverty and hardships that Koreans who moved to Russia had to endure every day, while the article “The fate of Lenin’s Government” (*Renin chōngbu-ŭi unmyōng*) argued that left ideas have brought “terrible misery” to Russia¹. Once the editors of *Maeil Sinbo* even printed a caricature depicting Russians as a poverty-stricken disabled person on crutches².

Though these articles were anti-Soviet in nature, they contained a surprising amount of information about the Russian Revolution. It is hard to say what prompted pro-Japanese colonial media to publish news about parts of the Russian Empire proclaiming independence and even to report the main contents of the famous Soviet Decree inside Korea, which was notorious for its anti-Japanese sentiment. These news stories made such a great impression on the Korean masses that the colonial authorities had to devote many pages to strong anti-Soviet propaganda. The official colonial newspaper thus became the first channel through which news of the Russian Revolution officially infiltrated colonial Korea.

¹ 露國廢帝逃日本說, 日本の露國襲撃萬無 [Слухи о свержении российского императора, бегущего в Японию] // 毎日申報 [Ежедневная газета]. 1917.12.05.

² 亞細亞振興の機運 [Возможность оживить Азию] // 毎日申報 [Ежедневная газета]. 1918.22.01 (на корейском языке).

¹ Renin chōngbu-ŭi unmyōng [The fate of Lenin’s government]. *Maeil Sinbo*. 23.08.1918 (In Korean).

² Haōlbin hwabo 4 hwe Hakchōn Orang [Harbin pictorial number 4, by Tsuruda Gorō]. *Maeil Sinbo*. 30.08.1918 (In Korean).

сии» (*Рорень-е ичжучжа*), сообщалось о нищете и ежедневных страданиях корейцев, которые переехали в Россию, а в публикации под названием «Судьба ленинского правительства» говорилось, что левые идеи принесли России «ужасную нищету»¹. В одном номере редакторы *Мэиль Синбо* даже напечатали на первой странице карикатуру, изображавшую русских в образе бедного инвалида на костылях².

Несмотря на антисоветские настроения, объем информации о Русской революции, поступающий в Корею, был на удивление значительным. Трудно сказать, чем было вызвано такое детальное освещение в СМИ колониальной Кореи, известной своими антияпонскими настроениями, распада Российской империи или публикация основного содержания уже упоминавшегося выше известного советского декрета. Однако эти новости, очевидно, произвели такое впечатление на корейские массы, что колониальным властям пришлось посвятить большое количество первых полос своей главной газеты антисоветской пропаганде. Таким образом, официальная газета колонии стала первым каналом, посредством которого вести о русской революции вполне официально проникали в Корею.

¹ 亞細亞振興の機運 [Судьба правительства Ленина] // 毎日申報 [Ежедневная газета]. 1918.08.23 (на корейском языке).

² 合爾賓畫報, 4回, 鶴田吾郎 [Цуруда Горо. Харбинский альбом] // 毎日申報 [Ежедневная газета]. № 4. 1918.08.30 (на корейском языке).

1.2. Labour migrants

Unfortunately for pro-Japanese propagandists, the Korean economic prosperity that they believed in was not felt by the vast majority of Koreans. Socio-economic conditions in Korea forced many thousands of people to leave their homes and become economic migrants. The first decade of Japanese rule in Korea did not bring the modernisation promised by domestic pro-Japanese elites, but rather made common people's lives even worse. Immediately after the establishment of the colonial regime in 1910, the Japanese launched the "land cadastre campaign" (*t'oji chosa saōp*) which resulted in the redistribution of land to the Japanese or big land-owners and the loss of property rights for hundreds of thousands of traditional peasants' families who were unable to pay draconian land taxes [6, p. 157]. By 1919 only 3.7% of Korean primary school-age children had access to education while Korean resource management was almost completely restructured to serve the interests of the industrialisation of Japan. The numerous mines of Northern Korea were monopolised by Japanese and Western capital from mid 1910s [6, pp. 206, 223]. Koreans were mostly used as a source of cheap labour in order to maximise the profits of the Japanese and domestic comprador bourgeoisie.

But life in Russia did not prove to be better for the newcomers. On the contrary, it only intensified the socio-economic conflicts in the Far Eastern Korean diaspora which began forming from as early as the second half of the 19th century. The well-established (*kika-*

1.2. Трудовые мигранты

К несчастью для прояпонских пропагандистов, экономическое процветание Кореи, в которое они верили, на деле практически не ощущалось большинством населения страны. Социально-экономические условия в Корее заставляли тысячи людей оставлять свои дома и становиться экономическими мигрантами, в том числе и в соседней с Кореей России, причем условия эти были крайне тяжелыми. Первое десятилетие японского владычества не принесло модернизацию, которую так обещали прояпонски настроенные элиты. Напротив, оно только ухудшило жизнь простого народа. Сразу же после установления генерал-губернаторства в 1910 г. японцы провели в Корее «кампанию по земельной переписи» (*тхочжи чоса саоп*), которая привела к перераспределению земли в пользу японцев и крупных землевладельцев, тогда как сотни тысяч традиционных крестьянских хозяйств потеряли свои наделы, поскольку не смогли платить драконовские налоги на землю [6, с. 157]. К 1919 г. только 3,7% детей младшего школьного возраста имели доступ к образованию, а управление ресурсами Кореи было практически полностью подчинено интересам индустриализации самой Японии. Уже к середине 1910-х гг. основное количество шахт на севере Кореи было фактически монополизировано японским и западным капиталом [6, с. 206, 223]. Корейцы же в основном использовались как источник дешевой рабочей силы ради по-

jin or ‘assimilated’ as they were called in Japanese secret reports) Koreans, most of whom had good command of Russian and even adopted Orthodox Christianity, looked down upon their far less fortunate ‘non-assimilated’ compatriots. The latter ones were left with no choice but to once again become a source of cheap labour mostly as tenant farmers who had to give up to 60% of their harvest [7, p. 53]. Social discrimination soon followed the economic one. Those belonging to the more privileged group began calling the others ‘*lebedi*’ (swans) sneering at the poor workers who had to line up along the curved roads every day dressed in traditional Korean clothes of white colour. In their turn, the newcomers who had not yet lost their connection with their homeland created a derogatory term ‘*er maozi*’ (literally “secondary hairy people” i.e. second-rate Russians) [7, p. 54]. These factors did not help the process of political and social adaptation, on the contrary, it defined the temporary character of the labour migration.

The news of the February Revolution (1917) was the harbinger of the politicisation of the ‘non-assimilated’ Koreans. Immediately after the creation of the Russian Provisional Government, the ‘assimilated’ Koreans decided to create their own representative organ, which they called ‘Ts. I. K. Koreiskih Natsional’nih Soyuzov’ (Central Executive Committee of the Korean National Assemblies; TsIK KNS). This organ, like many other Korean political organisations, fell victim to factional warfare when groups inside it failed to agree on such questions as whether they should support the Kerensky’s government’s

вышения прибыли японской и компрадорской буржуазии.

Однако жизнь в России для «новоприбывших» оказалась немногим лучше. Напротив, она только обострила социально-экономические противоречия внутри корейской диаспоры на Дальнем Востоке, которая начала формироваться еще со второй половины XIX в. К тому времени уже хорошо обустроившиеся на русском Дальнем Востоке корейцы (в секретных японских докладах их называли *кикадзин*, т.е. «ассимилированными»), которые в большинстве своем довольно хорошо владели русским языком и даже приняли православие, часто достаточно высокомерно относились к своим менее благополучным «неассимилированным» соотечественникам. Последним же не оставалось ничего иного, кроме как снова занимать нишу работников дешевого труда или становиться арендаторами, отдавая до 60% урожая местным землевладельцам [7, с. 53]. Вскоре к экономическому неравенству прибавилась и общественная дискриминация. Те, кто принадлежал к более привилегированной группе, называли новоприбывших корейцев по-русски «лебедями», насмехаясь тем самым над бедными рабочими, облаченными в традиционные корейские одежды белого цвета. В свою очередь, «новички», которые еще не потеряли связей со своей родиной, называли «ассимилированных» корейцев «*эр маоцзы*», что с китайского переводится как «второй волосатый», т.е. «второсортный русский» [7, с. 54]. Эти факторы не только мешали процессу социальной адаптации новой

course regarding the war or whether the ‘non-assimilated’ Koreans should be given the right to vote [7, pp. 56–57].

TsIK KNS, however, also played a positive role by opening political discourse on the future of Koreans in the Russian Far East encouraging formerly politically inactive Korean migrants to take an active political stance. After leaving TsIK. KNS, the ‘non-assimilated’ Koreans, together with some ‘assimilated’ ones, created a newspaper *Hanin Sinbo*, written in vernacular Korean which facilitated the spread of a revolutionary atmosphere. Its first publication announced in part: “With the god’s deep will and the blood of Slavic people [they] have overturned the terrible totalitarian regime of absolute imprisonment and oppression in one day, [they] have raised high the Red Banner and proclaimed the great freedom of being able to ... fulfil one’s debt to the state as a citizen and one’s mission towards Heaven”¹.

Hanin Sinbo’s direct influence on the socio-political life of Koreans reached as far as southern Manchuria. This is illustrated by the fact that in mid-1918 Japanese intelligence reported that a correspondent and distributor of the newspaper named Lim Ho was found in the Chinese town of Juzijie (nowadays Yanji, centre of Yanbian Korean Autonomous Prefecture in north-eastern Jilin Province, People’s Republic of China) located near the Korean border [8].

By October 1917, it was perfectly clear that situation all over Russia was

¹ Ch’anggan hanan nare [On the day of the first publication]. *Hanin Sinbo*. 08.07.1917 (In Korean).

волны корейской миграции, но и в конечном итоге определили ее временный характер.

Новости о Февральской революции 1917 г. стали предвестниками политизации «неассимилированных» корейцев. Сразу после создания Временного правительства «ассимилированными» корейцами был сформирован ЦИК Корейских национальных союзов (ЦИК КНС). Этому органу, как и многим другим корейским политическим организациям, будет суждено пасть жертвой фракционной борьбы, в данном случае из-за возникших ожесточенных дискуссий на тему поддержки курса правительства Керенского на продолжение войны или о том, давать или нет «неассимилированным» корейцам право голоса [7, с. 56–57].

ЦИК КНС, однако сыграл и позитивную роль, открыв дискуссию о будущем корейской диаспоры на Дальнем Востоке. Это подтолкнуло ранее политически пассивных мигрантов-корейцев к активизации их деятельности в сфере борьбы за свои политические и социальные права. Сразу же после того, как «неассимилированные» корейцы покинули ЦИК КНС, ими при поддержке части «ассимилированных» сограждан была организована выходящая на корейском языке газета *Ханин Синбо*, которая содействовала росту революционных настроений внутри корейской диаспоры. В одном из первых номеров газеты в связи с событиями в России говорилось: «Глубокой волей Господа и кровью славян за одно утро был сброшен режим абсолютной тюрьмы, продолжавшийся сотни лет; было вы-

out of control. The political life of the ethnic minorities in the Russian Far East was boiling vigorously. In mid-October 1917, on the eve of the October Revolution, a group of Japanese intelligence officers in Vladivostok compiled a report titled “The influence of the Russian Revolution on Koreans.” This report began with the general characteristics of recent developments in Russia. According to the authors, the “feeling when [former] slaves could in one leap jump into the places of kings and counts” has brought a “sudden invigoration of [political] activity [among Koreans]”. After describing the enormous growth of political activism among Koreans – especially among the ‘non-assimilated’ ones – the authors summarised: “Our Empire ... must exercise great vigilance. Korea, our new territory, is separated from the Russian border by a mere strip of water of Tumen River and Manchuria. The peoples that inhabit the regions adjacent to the Russian border are freely communicating and are supplying each other’s needs”¹. Finally, realising that the Russian Revolution is far from a conclusion, the report stressed the necessity to observe its progress and the influence it will have on Koreans.

The fears of the Japanese intelligence officers were not groundless. The October Revolution brought a great change in the

¹ Urajio hakenin. Rokoku kakumei no Chōsenjin ni oyobosu eikyō [Agent in Vladivostok. The influence of the Russian Revolution on Koreans]. *Gaimushō. Futeidan kankei zakken Chōsenjin no bu zai shiberia 6* [Ministry of Foreign Affairs of Japan. Miscellaneous matters concerning impertinent groups, Korean part, In Siberia]. 16.10.1917. Vol. 6 (In Japanese).

соко поднято красное знамя и провозглашена великая свобода ...»¹.

Прямое влияние газеты *Ханин Синбо* на общественно-политическую жизнь в Корее простиралось вплоть до Маньчжурии. Свидетельством этого может служить, в частности, тот факт, что в середине 1918 г. японская разведка доложила о том, что в китайском городе Цзюцзыцзе (совр. Яньцзи, центр Яньбянь-Корейского автономного округа КНР), расположенном на границе Кореи и Китая, был обнаружен распространитель газеты *Ханин Синбо* корреспондент Лим Хо [8].

К октябрю 1917 г. стало очевидным, что ситуация по всей России выходила из-под контроля. Бурно кипела и политическая жизнь этнических меньшинств Дальнего Востока. В середине октября 1917 г., незадолго до Октябрьской революции, японской агентурой во Владивостоке был составлен и отправлен в Токио длинный отчет под названием «Влияние Русской революции на корейцев». Этот отчет начинался с общей характеристики текущих событий в России. Авторы отмечали «повсеместное ощущение, что [бывшие] рабы могут одним рывком запрыгнуть на места графов и королей», и это привело к «неожиданному всплеску [политической] активности [среди корейцев]». Указав на небывалый рост политической активности среди корейцев в России, особенно среди «неассимилированных», авторы заключали: «Наша империя <...> должна

life of the local Korean population. After the civil war broke out in 1918, Japan officially broke its diplomatic ties with Russia and invaded the Russian Far East, forcing thousands of Koreans either to flee west or return to Korea. The waves of legal returnees numbered hundreds monthly reaching its peak in December 1918 when almost 2500 Korean workers legally returned to Korea¹. These people were the living witnesses of the Russian Empire's collapse and the Bolsheviks' staunch resolve, demonstrated by bluntly rejecting the demands of other imperialist powers to continue Russia's participation in the war.

A rather extreme but still genuine sentiment of politically active 'non-assimilated' Koreans was shown by a Korean activist during a 1918 international demonstration in Petrograd. In particular, he said:

“Korea once was the richest country in Asia <...>. Now we are ruined, pillaged, turned into the slaves of the Japanese. <...> Korean nobility is bought by the Japanese. Revolutionary organisations are crushed. <...> Yes, comrades, we have only one option left – terror. We use it and we will continue using it. <...> on your socialist teaching a new generation of Koreans is being raised. Without the connection

¹ 창간하난날에 [В день первой публикации] // 韓人新報–Ханин Синбо. 1917.07.08 (на корейском языке).

¹ Kankyō-hokudō keimu buchō. Chihō minjō ihō, Roryō kikan senjin [Head of Police Department of Hamgyōng pukto province. Report on the living conditions in province, Koreans returning from the Russian territory]. *Gaimushō. Futeidan kankei zakken Chōsenjin no bu zai neiji 2* [Ministry of Foreign Affairs of Japan. Miscellaneous matters concerning impertinent groups, Korean part, In the mainland]. 21.01.1919. Vol. 2 (In Japanese).

сохранять <...> бдительность. Корея – наша новая территория, отделенная от России лишь узкой полосой реки Туманган и Маньчжурией. Народы, населяющие прилегающие к границе с Россией регионы, свободно сообщаются и помогают друг другу»¹. Наконец, понимая, что революция в России далека от завершения, авторы отчета подчеркивали необходимость и дальше следить за ходом революции и тем влиянием, которое оказывали события в России на корейцев.

Беспокойство японской агентуры не было беспочвенным. Октябрьская революция принесла большие перемены в жизнь дальневосточных корейцев. После начала Гражданской войны в России Япония официально разорвала дипломатические отношения с ней и вторглась на Дальний Восток, принуждая тысячи корейцев бежать на Запад или возвращаться в Корею. Волны легально возвращавшихся на родину корейцев исчислялись сотнями ежемесячно, причем пик возвращения пришелся на декабрь 1918 г., когда почти 2500 корейских рабочих легально прибыли в Корею².

¹ 浦潮派遣員，露國革命ノ朝鮮人ニ及ホス影響 [Агент во Владивостоке. Влияние Русской революции на корейцев] // 外務省，不逞團關係雜件-朝鮮人ノ部-在西比利亞-六 [Министерство иностранных дел Японии. Разные вопросы, касающиеся ненадежных групп. Корейская часть. Внутри страны]. 16.10.1917. Вып. 6 (на японском языке).

² 咸鏡北道警務部長，地方民情彙報[露領歸還鮮人] [Начальник полицейского управления провинции Хамгён-пукто. Отчет о жизненных условиях в провинции, возвращении корейцев с территории России] // 外務省，不逞團關係雜件朝鮮人ノ部在內地二 [Министерство иностранных дел Японии.

with you, we do not have freedom. Your happiness is our happiness. Your death is our death. <...> This is felt by every one of twenty thousand of our workers in the Soviet Republic and by hundreds of thousands of our workers in Siberia” [9, p. 41–42].

Thus, the return of Korean migrants from the Russian Far East became the second important channel through which the information about the Russian Revolution and its ideas appeared on Korean soil.

2. The Past and the Future of the March First Movement

The immediate effect of the combination of news coverage of the October Revolution and the return of migrant workers from the Far East on the Korean independence movement is perfectly reflected in a set of documents published by an organisation of Korean students in Japan on 8 February 1919. Along with a ‘Petition for Convocation of a [Korean] National Assembly’ they stated:

“Looking from the standpoint of peace in East Asia, its foremost threat, Russia, has already abandoned its imperialist ambitions and is currently building a new state on the foundation of justice, equality and humanism... thus eliminating the biggest reason for the merging of Korea [with Japan]”¹.

¹ Chosŏn ch’ŏngnyŏn tongniptan. Chōsen seinen dokuritsudan ni kansuru ken [Korean Youth Independence Group. The case concerning the Korean Youth Independence Group]. *Gaimushō. Futeidan kankei zakken Chōsenjin no bu zai neiji 3* [Ministry of Foreign Affairs of Japan. Miscellaneous matters concerning imper-

Эти люди стали свидетелями краха Российской империи и политической решимости большевиков, продемонстрировавших своим союзникам нежелание продолжать участие в войне.

Чувства «неассимилированных» корейцев в довольно радикальной, но вместе с тем искренней форме были выражены на митинге в Петрограде 19 декабря 1918 г. одним корейским политическим активистом:

«Корея когда-то была богатейшей страной Азии <...>. Теперь мы разорены, разграблены, превращены в батраков японцев <...>. Высшее сословие Кореи куплено японцами. Революционные организации раздавлены <...>. Да, товарищи, нам остается одно средство – террор. И мы его применяем и будем применять. <...> на вашем социалистическом учении воспитывается новое корейское поколение. Вне связи с вами нет у нас свободы. Ваше счастье – наше счастье, ваша гибель – наша гибель <...>. Это чувствуют все до единого 20 тысяч наших рабочих на территории Советской Республики и сотни тысяч наших рабочих в Сибири» [9, с. 41–42].

Таким образом, возвращавшиеся с Дальнего Востока России корейские трудовые мигранты стали вторым важным каналом, через который информация и идеи русской революции проникали на корейскую землю.

This statement along with information about the great changes in Russia, indicates that Korean activists felt the atmosphere of change which guaranteed a national scale of the protest.

Japanese military intervention in Russia in 1918 brought sympathy for the Bolshevik's cause in Korea proper. For many Koreans at home and abroad, the war that was raging in the Russian Far East began to resemble the old *Ŭibyŏng* movement, when armed remnants of anti-Japanese resistance in Korea made an unsuccessful attempt to restore national independence. It also paved the way for another much more far-reaching effect on the March First movement – the ideological turn of many thousands of Koreans towards socialism and the ideas of armed struggle, which would after the liberation of Korea bring forth a new generation of revolutionaries to participate in the fateful events of 1945 – 1950.

At the very beginning of the March First Movement, there were several major ideological trends in the Korean national-liberation movement. The first and most influential among Korean intellectuals and political émigrés residing in the West at that time was the so-called 'diplomatic' approach to the question of Korean independence, that they should seek help from the great powers. The people who officially launched the movement decided to rely on diplomacy rather than on armed struggle, and they

Разные вопросы, касающиеся ненадежных групп. Корейская часть. Внутри страны]. 21.01.1919. Том 2 (на японском языке).

tinent groups, Korean part, In the homeland]. 08.02.1919. Vol. 3 (In Japanese).

2. Прошлое и будущее Первомартовского движения

О влиянии революционных событий в России на корейцев свидетельствуют документы, изданные организацией корейских студентов в Японии за месяц до начала Первомартовского движения. В своей декларации, опубликованной 8 февраля 1919 г. одновременно с «Петицией за созыв [корейского] Национального собрания», они заявили:

«С точки зрения мира в Восточной Азии, самая крупная для него угроза, Россия, уже отбросила свои империалистические амбиции и строит новое государство на основе справедливости, равенства и гуманизма... тем самым уничтожив крупнейшую причину слияния Кореи [с Японией]»¹.

Это заявление вместе с информацией о событиях в России – еще одно доказательство того, что атмосфера перемен ощущалась корейскими активистами и создавала почву для масштабного общенационального протеста.

Военная интервенция Японии в период Гражданской войны на Дальнем Востоке в 1918 г. принесла Советской России поддержку со стороны корейских трудящихся. Многим корейцам дома и за рубежом Гражданская война на Дальнем Востоке стала

used the movement to strengthen the negotiating position of a prominent émigré activist Kim Kyu-sik (金奎植) whose arrival in Paris for the Peace Conference of 1919 was timed to coincide with the demonstrations all over Korea.

The failure of the diplomatic approach to solve the problem of Korean independence led to an ideological crisis in the Korean independence movement. It encouraged many activists to support the idea of ‘armed resistance’ both in Korea and in adjacent regions, which became closely connected with the socialist and communist movements for years to come.

The change in the sentiments of Koreans was sharply felt by the Japanese right after the brutal suppression of the March First Movement. The number of Japanese secret reports concerning the interaction of Koreans with the ‘extremists’ rose hundredfold after 1 March 1919.

These were not only reports on the activities of the armed anti-Japanese resistance waged by Koreans in Russia. Many were devoted to preventing the spreading of revolutionary ideas among Koreans who temporarily resided abroad. For example, one of the reports prepared by Envoy Extraordinary and Minister Plenipotentiary of Japan in China Obata Yūkichi (小幡酉吉) in September 1919 tells about a Korean “extremist” (i.e. communist) named An Kūnsaeng (安根生) who was propagating communist ideas among students in China [10].

The reasons for the rise of communist activities in Korea are explicitly stated in a report compiled by the General Staff of the Korean Army (*Chōsengun Sambōbu*). It reads in part:

“Impertinent Koreans (i.e. those with anti-Japanese sentiment – L.V.)

¹ 朝鮮青年獨立團, 朝鮮青年獨立團ニ關スル件 [Корейская молодежная независимая группа. Дело, касающееся Корейской молодежной независимой группы] // 外務省, 不逞團關係雜件-朝鮮人ノ部-在内地三 [Министерство иностранных дел Японии. Разные вопросы, касающиеся ненадежных групп. Корейская часть. Внутри страны]. Том 3. 08.02.1919 (на японском яз.).

напоминать движение «Армий справедливости» *Бйбен*, когда остатки антияпонского сопротивления в самом начале XX в. предприняли героическую, но обреченную на провал попытку вернуть национальную независимость. Непосредственное влияние событий, происходивших в России в 1917–1919 гг., выразилось также в идеологическом повороте к социализму и идеям вооруженной борьбы многих тысяч корейцев, среди которых сформируется то поколение революционеров, которым будет суждено сыграть свою роль в судьбоносных событиях 1945–1950 гг. на полуострове.

В самом начале Первомартовского движения в среде борцов за независимость было несколько идейных течений. Первое и самое влиятельное среди корейской интеллигенции и политической эмиграции на Западе течение было представлено сторонниками дипломатических методов решения корейской проблемы с помощью великих держав. Люди, которые официально положили начало Первомартовскому движению, поставили весь свой политический капитал именно на дипломатию, а не на вооруженную борьбу. Само же движение было использовано для усиления переговорной позиции известного эмигрантского деятеля Ким Кюсика (金奎植), который прибыл в Париж практически одновременно с началом демонстраций по всей Корее с целью добиться участия ее представителей в Мирной конференции.

Провал дипломатического подхода к решению проблемы достижения Кореей независимости привел к

who used to admire Wilson's principle of self-determination of peoples have soon realised that so-called American help is nothing but mere written and oral support which would bring nothing in concrete matters. ... This made them gradually grow closer to the extremists"¹.

Conclusion. The news of events in Russia infiltrated Korea through various channels. Among the most effective ones were the only Korean-language news agency in the Japanese colony *Maeil Sinbo* and the labour migrants in the Russian Far East, many of whom returned to Korea after the Japanese occupied Vladivostok.

The rise of the March First Movement became one of the most important milestones of the anti-colonial movement in Asia. The mass protests that engulfed Korea became an important signal for all overseas Koreans, as well as Japanese oppressors who were forced to change their rapacious methods into a more civilised form they called “Cultural policy” (文化政治) The March First Movement also became an important event for all Asian anti-colonial activists. One of the future founders and the first Secretary of the Central Bureau of the Communist Party of China Chen Duxiu (陳獨秀) on 23 March 1919 published an article “Feelings about Korean Independence Movement” (朝鮮獨立運動之感想) in *Meizhou Pinglun* (每周評論) magazine in which he called the March First Movement “great, sincere, heroic and tragic,

¹ Futeisenj in to kagekiha no kankei (1921/06/08) [Relations of impertinent Koreans with the extremists (08.06.1921)]. *Bōei Kenkyūjo Shiryō-shitsu* [Military Archives, National Institute of Defence Studies]. T8-2-76 (JACAR ref. code: C06031089900) (In Japanese).

идеологическому кризису в корейском национальном движении и одновременно способствовал популяризации идеи вооруженной борьбы в Корее и в прилегающих к ней регионах, прежде всего в Маньчжурии и на Дальнем Востоке России, которая была связана непосредственно с коммунистическим движением.

Изменение настроений среди корейцев после жестокого подавления Первомартовского движения очень остро ощущалось японцами. После первого марта 1919 г. количество секретных донесений о взаимодействии корейцев с «экстремистами» возросло в несколько раз.

Причем эти донесения были не только связаны с деятельностью вооруженных корейских отрядов в Гражданской войне на Дальнем Востоке. Множество материалов были также посвящены предотвращению распространения революционных идей среди корейцев за рубежом. Так, например, Чрезвычайный и Полномочный Посланник Японии в Китае Обата Юкити (小幡酉吉) в одном из своих отчетов, подготовленных в сентябре 1919 г., докладывал о корейском «экстремисте» по имени Ан Кынсэн (安根生), который занимался пропагандой коммунистических идей среди корейских студентов в Китае [10].

О причинах роста активности среди корейских коммунистов в рассматриваемый период говорилось также в докладе японского Генерального штаба Корейской армии (*Тесэнгун Самбобу*): «Непокорные корейцы (т.е. антияпонски настроенные – Л.В.), которые раньше восхищались вильсоновским принципом самоопреде-

with correct ideas, using the will of the people without weapons, [the movement that] has opened a new era in the history of world revolution” [23].

The October Revolution in Russia provided important context for the Korean movement. The news of the collapse of an empire and its reconstruction into a new Soviet state based on the slogans of equality and freedom influenced the general mood in Korea, imbuing people with hope for a better, independent future. It acted as fertiliser for the Korean soil, without which the March First Movement would not have happened on such a large scale.

The historical meaning of the March First Movement is that it exposed the necessity to look for alternative set of ideas that many Koreans found in the ideas of the October Revolution that posed a direct threat to the Japanese colonisers. This threat made them put persecution of Korean communists among their highest priorities.

Thus, it can be said that while the speech of US President Woodrow Wilson helped igniting the protest movement in Korea suffering from colonial oppression, the influence of the October Revolution proved decisive for the March First Movement. It became a symbol of the anti-colonial movement in Asia, making sure that the March First Movement would not suffer the fate of the Tapani incident (1915) in Taiwan, which was a bright but last spark in the Han Chinese armed resistance to the Japanese colonisers [24]. In other words, while other factors provided the movement itself, the October Revolution provided its past and guaranteed its future.

ления народов, очень быстро поняли, что так называемая американская помощь – ничто более как поддержка на словах и бумаге, которая не принесет ничего в конкретных делах. Это заставило их все больше и больше сближаться с экстремистами»¹.

Выводы. Как показано в статье, информация о событиях в России проникала в Корею по разным каналам, самыми эффективными из которых стали информационные, в частности, газета *Мэиль синбо*, а также непосредственно корейские трудовые мигранты на Дальнем Востоке, многие из которых вернулись в свою страну после того, как японцы оккупировали Владивосток.

Первомартовское движение 1919 г. в Корее стало одной из основных вех антиколониального движения в Азии. Массовые протесты, охватившие Корею в рассматриваемый период, послужили сигналом как для корейцев за рубежом, так и для самих японцев, которым пришлось отказаться от политики репрессий в пользу более «цивилизованной» формы колониального правления, названной ими «культурной политикой» (文化政治). Один из будущих основателей и первый Генеральный секретарь Коммунистической партии Китая Чэнь Дусю (陳獨秀) 23 марта 1919 г. опубликовал статью под названием «Ощущения от корейского

движения за независимость» (朝鮮獨立運動之感想) в журнале *Мэйчжоу Пинлунь* (每周評論), где заявил, что Первомартовское движение – «великое, искреннее, героическое и трагичное, с верными идеями, использующее волю народа без оружия [движение, которое] открыло новую эпоху в истории мировой революции» [11, с. 32].

Несмотря на то, что само Первомартовское движение не было напрямую вызвано Октябрьской революцией в России, Русская революция 1917 г. создала для него важнейший исторический контекст. Вести о крахе великой империи и создании нового Советского государства оказало сильное влияние на Корею, придав людям в Корее веру в лучшее, независимое будущее. Таким образом, новости об Октябрьской революции сыграли роль катализатора, без которого Первомартовское движение не получило бы такого размаха и влияния.

Историческое значение Первомартовского движения во многом заключалось в поиске альтернативы, которую несли в себе идеи Октябрьской революции, представлявшие собой непосредственную угрозу японским колонизаторам. Эта угроза вынудила их поставить преследование корейских коммунистов в список наиболее приоритетных задач.

Таким образом, можно сказать, что в условиях колониального гнета речь американского президента Вудро Вильсона лишь помогла разжечь протестное движение в Корее, тогда как Октябрьская революция оказала

¹ 不逞鮮人ト過激派ノ關係, 大正10年6月8日(1921/06/08) [Отношения дерзких корейцев с экстремистами (08.06.1921)] // 防衛省防衛研究所陸軍省-朝鮮事件 [Военный архив Национального института оборонных исследований]. T8-2-76 (JACARref. code: C06031089900).

решающее влияние на Первомайское движение. Оно стало символом антиколониальной борьбы в Азии и не повторило судьбу тайваньского восстания Юй Цинфана 1915 г. (более известного как инцидент Тапани), ставшего пусть и яркой, но последней искрой сопротивления ханьских китайцев японским колонизаторам.

В этом смысле Октябрьская революция воздействовала и на дальнейшую судьбу Кореи и ее народа. Другими словами, в то время, как комплекс социально-политических факторов создал само движение, именно Октябрьская революция дала ему импульс и, заставив обратиться к поиску идейной альтернативы, обеспечила будущее.

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Декреты Советской власти. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М.: Гос. издат-во политической литературы, 1957. Том 1.

防衛省防衛研究所陸軍省-朝鮮事件 [Военный архив Национального института оборонных исследований]. T8-2-76 (JACAR ref. code: C06031089900).

外務省, 不逞團關係雜件朝鮮人ノ部在内地二 [Министерство иностранных дел Японии. Разные вопросы, касающиеся ненадежных групп. Корейская часть. Внутри страны]. 21.01.1919. Вып. 2 (материалы на японском языке).

外務省, 不逞團關係雜件-朝鮮人ノ部-在内地三 [Министерство иностранных дел Японии. Разные вопросы, касающиеся ненадежных групп. Корейская часть. Внутри страны]. 08.02.1919. Вып. 3 (материалы на японском яз.).

外務省, 不逞團關係雜件-朝鮮人ノ部-在西比利亞-六 [Министерство иностранных дел Японии. Разные вопросы, касающиеся ненадежных групп. Корейская часть. Внутри страны]. 16.10.1917. Вып. 6 (материалы на японском языке).

毎日申報 – Мэиль Синбо. 1917 г. (газета на корейском языке).

韓人新報 – Ханин Синбо. 1917 г. (газета на корейском языке).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Boram Yi. Prelude to Conflict, 1910–1948 // The Ashgate Research Companion to the Korean War / ed. James I. Matray and Donald W. Boose, Jr. Surrey. United Kingdom: Ashgate, 2014.*
- [2] История Кореи с древнейших времен до наших дней / Под ред. Б.Г. Гафурова, Ю.В. Ванина, И.С. Казакевича, и др. М.: Наука, 1974. Т. 2.
- [3] *Курбанов С.О. История Кореи с древности до начала XXI века. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2009.*
- [4] *Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. М.: Наталис, 2011. Т. 2.*
- [5] *Ванин Ю. В. Октябрьская революция 1917 года в России и ее взаимосвязь с Первомайским восстанием 1919 г. в Корею // История Кореи. Избранные статьи. М.: Институт востоковедения РАН, 2016. С. 246-259.*
- [6] 강만길, 「고쳐쓴한국현대사」, 창비, 2011.
- [7] 임경석, 「한국사회주의의기원」, 역사비평, 2003.

- [8] 間島派遣員，圖們江方面情況彙 //李根澤編，中國東北地域民族運動Ⅱ，한국독립운동사자료 40, 2004, p. 283–284.
- [9] ВКП(б), Коминтерн и Корея. 1918–1941 / Отв. ред.: проф. Харуки Вада (Япония), д-р ист. наук К.К. Шириня (Россия). М.: РОССПЭН, 2007.
- [10] 小幡酉吉(支那特命全權公使), 朝鮮人過激主義者安根生ニ付スル件，不逞團關係雜件-朝鮮人ノ部 鮮人ト過激派一，1919年09月20日.
- [11] 石源华编著《*朝国独立运动与中国关系编年史 (1919–1949)*》(上卷)，中国社会科学出版社2012年.

История статьи:

Поступила в редакцию: 9 февраля 2017 г.

Принята к печати: 24 марта 2017 г.

Об авторе:

Лебедев Василий Владимирович – магистрант кафедры истории Университета Коре; Почтовый адрес организации: 02841, Республика Корея, Сеул, Сонгбук-гу, Анам-ро, 145.

**INFLUENCE OF THE RUSSIAN REVOLUTION
ON THE MARCH 1ST MOVEMENT IN KOREA
(1917–1919)**

Vasilii V. Lebedev

Korea University

Seoul, The Republic of Korea, kutuzkin21@hanmail.net

This article seeks to address the question of how the influence of the October Revolution reached Korea and to what extent it affected the outcome of the March 1st Movement. The author analyzes the documents from the Diplomatic Archives of the Ministry of Foreign Affairs of Japan and the articles of the official mouthpiece of the colonial government *Maeil Sinbo* from 1917 to the mid-1920s.

Based on the analysis of the primary sources, the author reveals two main channels of receiving information of the revolutionary events in Russia. The first of them was the official newspaper of the Governor General. The main actions of the government of Soviet Russia covered by this newspaper aroused such great interest among the Korean public that in order to prevent an “incorrect interpretation” of these events, the Governor General had to repeatedly dedicate the front page of the newspaper to the articles directly or indirectly condemning the 1917 October Revolution. The second channel was the Korean labour migrants in Primorye. Coming to Russia in search of a better life, most “unnaturalized” migrants faced difficult economic and social conditions. The February Revolution of 1917 which opened the discussion of the future of the Korean population in the Far East became a prerequisite for the politicization of a large part of the labour migrants who witnessed the revolutionary changes in Russia.

The author concludes that the ideas of the 1917 October Revolution found active response in the hearts and minds of the masses in Korea. The political and ethnic oppression intensified the social and political contradictions in the colonial Korea resulting in the nation-wide March 1st Movement of 1919 that became the turning point in the history of the world political anti-colonial movement in Asia. The national-bourgeois idea of “gaining independence through diplomacy” suffered a crushing defeat but it retained the spirit of the March 1st Movement in history and laid the foundation for a new generation of revolutionaries who played a crucial role in the events of 1945–1953.

Keywords: October Revolution, anti-colonialism, Korea, March 1st Movement, Soviet Russia, socialism

REFERENCES

- [1] Boram Yi. Prelude to Conflict, 1910–1948. *The Ashgate Research Companion to the Korean War*. United Kingdom: Ashgate, 2014.
- [2] Gafurov BG., VaninYuV., Kazakevich IS, editors. *IstoriiaKorei s drevneishihvremen do nashihdnei* [The History of Korea from Ancient Times to Our Days]. Moscow: Nauka; 1974:2 (in Russian).
- [3] Kurbanov S.O. *Istoriya Korei s drevnosti do nachala XXI veka* [History of Korea from antiquity to the beginning of the XXI century]. St-Petersburg: Izdatelstvo Sankt Peterburgskogo universiteta; 2009.
- [4] Tihonov V.M., Kan Mangil'. *Istoriya Korei* [History of Korea]. Moscow: Natalis; 2011: 2.
- [5] Vanin YuV. Oktibrskaia revoliutsiia 1917 goda v Rossii I eio vzaimosviaz' s Pervomartovskim vosstaniem 1919 g. v Koree [The October Revolution of 1917 in Russia and its relationship with the Pervomartov uprising of 1919 in Korea]. *Istoriia Korei. Izbrannye Stat'i* [History of Korea. Featured articles]. Moscow: Institut vostokovedeniia RAN; 2016: 246–259 (in Russian).
- [6] Kang Man-gil, *Kochyō ssūn Hanguk hyōndaesa* [Revised Contemporary History of Korea]. Seoul: Changbi Publishers; 2011(in Korean).
- [7] Im Kyōng-sōk, *Hanguk Sahwejuui-uikiwōn* [The Origins of Korean Socialism]. Seoul: Yōksapip'yōngsa; 2003 (in Korean).
- [8] Kantōhakenin, Tomonkōhomen Jyōkyōihō [Agent in Jiandao. Report about the situation in the region of Tumen river]. *Yi Kūn-t'aek, et al., editors. Chungguk Tongbuk chiyōk minzhok undong. Hanguk tongnip undongsa charyo* [National movements in the North Eastern region of China. Documents on Korean independence movement], 2004; 2(40): 283–284 (in Japanese).
- [9] Vada K, Shirinia K, editors. *VKP(b), Komintern i Koreia: 1918–1941* [VKP(b), Comintern and Korea]. Moscow: ROSSPĒN; 2007 (in Russian).
- [10] Obata Yūkichi, Chōsenjin kagekishugisha An Konsei-ni kansuru ken [The case concerning Korean extremist An Kūnsaeng]. *Gaimushō. Futeidan kankei zakken Chōsenjin no bu Senjin to kagekiha* [Ministry of Foreign Affairs of Japan. Miscellaneous matters concerning impertinent groups, Korean part, Koreans and the Extremists]. 09.20.1919; 1 (in Japanese).
- [11] Shi Yuanhua, Jiang Jianzhong, et al., editors. *Hanguo duliundong yu Zhong guoguanxi biannianshi (1919–1949)* [Annals of Korean Independence movements' relations with China (1919–1949)]. Beijing: Social Sciences Academic Press (China). 2012; 1.

Article history:

Submitted: 9 February 2017

Revised: 24 March 2017

Accepted: 31 March 2017

About the author:

Vasilii V. Lebedev, Graduate student of the Department of History at Korea University; Postal address of the organization: 145, Songbuk-gu, Anam-ro, Seoul, 02841, The Republic of Korea.